
А. Р. КАСПАРОВ

НАЗНАЧЕНИЕ ГЛИНЯНЫХ ПОДЕЛОК САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Открытие сапаллинской культуры дало мощный импульс в изучении таких важных вопросов, как проблема урбанизации региона, сложение первых государственных образований и Бактрийского культурогенеза в целом. В настоящей работе рассмотрен еще один аспект культурно-исторической ретроспективы материалов данной культуры, а именно монофункциональные глиняные поделки, обнаруженные в погребально-культовом памятнике Бустон VI. При их изучении и верификации с ведическими источниками, наблюдается большое количество параллелей, которые не могут быть простой случайностью. Особенность рассматриваемых изделий состоит в том, что они представлены стандартизированным набором, включающий в себя антропоморфные статуэтки, напрямую отождествляющиеся с теми или иными божествами Ведийского пантеона, различные изделия, имевшие ритуально-символическую направленность, а также ритуальную посуду (сосуд и ложку-черпак) для сакральных подношений. В работе определяется не только их параллели с данными Вед, но и происхождение, связанное с приходом степных евразийских племен на территорию Северной Бактрии. Актуальность настоящего исследования определяется возможностью реставрировать идеологические представления и структурировать картину мифологического миропонимания сапаллинского общества в эпоху поздней бронзы. Подчеркивается влияние скотоводческих срубно-андроновских племен, оставившие существенный след в культуре древних земледельцев, послужившие основой для сложения в Северной Индии новой ведической культуры.

Ключевые слова: Сапаллинская культура, эпоха бронзы, некрополь Бустон VI, глиняные поделки, верификация, Веды

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.33.004>

Цитирование: Каспаров А. Р. Назначение глиняных поделок сапаллинской культуры // Вестник МИЦАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С. 71-78.

С НАЧАЛА 1970-х гг. ежегодные археологические раскопки новой сапаллинской культуры развеяли миф о «Бактрийском мираже» (Попов 2015), внесли корректировки в вопросы сложения урбанистической цивилизации и становления государственности на юге Средней Азии. В географическом плане указанная культура занимает территорию юга современного Узбекистана (Сурхандарьинская область). Ее памятники датируются эпохой бронзы и охватывают в целом период всего II тыс. до н. э. Сапаллинская культура (далее СК) – яркий пример древневосточной протоурбанистической цивилизации. Эта культура древнеземледельческая, основа ее экономики – сельское хозяйство с незначительной долей животноводства. Она известна по таким памятникам, как поселение-протогород Сапаллитепа, протогород, храм и одноименные могильники Джаркутан, Молали,

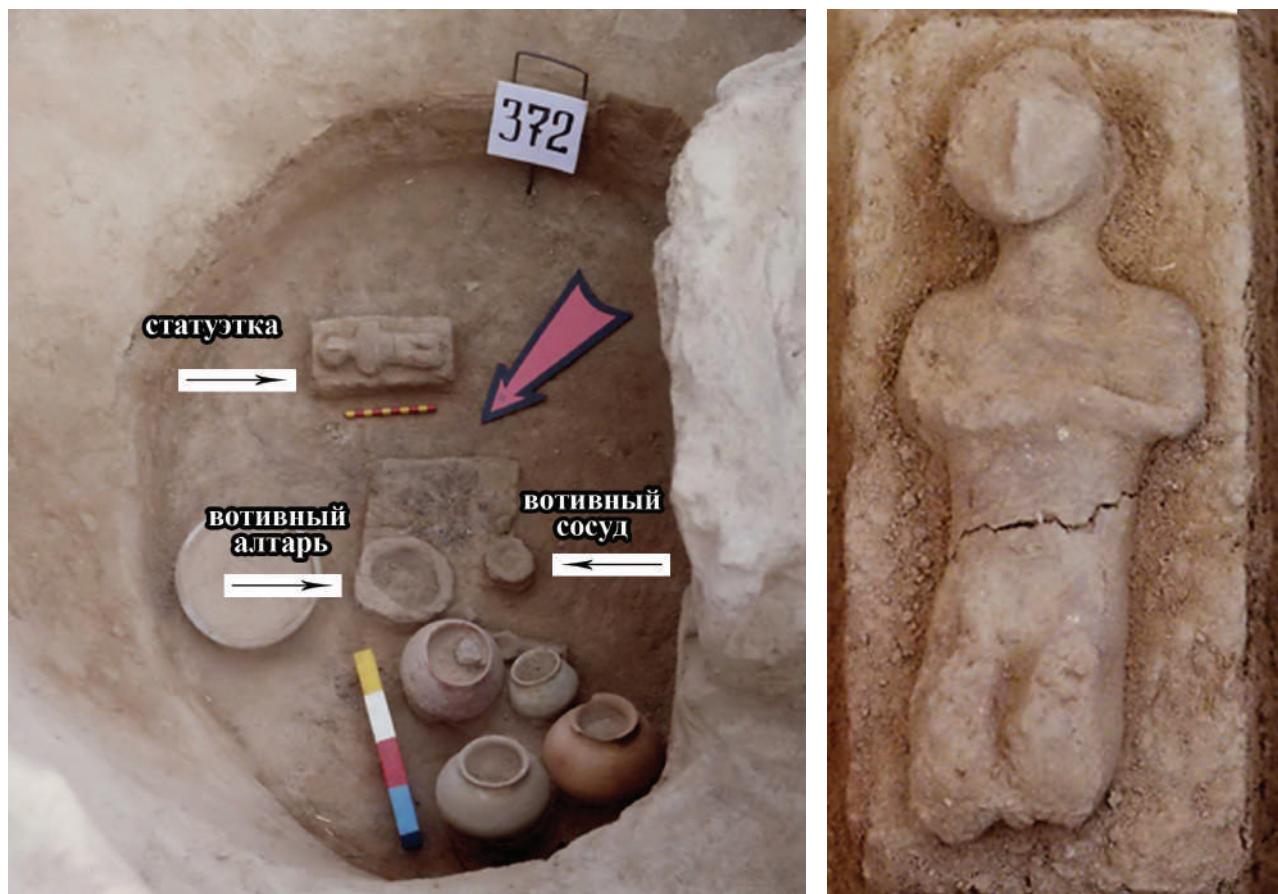
Бустон (Аскарлов 1973; 1977; Аскарлов, Абдуллаев 1983; Аванесова 1989: 63-77).

Среди всех памятников СК своеобразием и неординарностью выделяется некрополь Бустон VI (далее Б-VI), где были зафиксированы рассматриваемые в данной статье глиняные поделки. Как известно, в археологических исследованиях находки глиняных изделий² – явление не столь частое. Найти глину в глине требует от археолога большого мастерства и профессионализма. Особенно, если возраст этой находки насчитывает более трех тысячелетий. Обнаружение целого стандартизированного набора подобных

---

¹ Работа основана на археологических материалах и фактологических источниках музея археологии СамГУ.

² Речь, конечно, идет не о керамике (обожженной глине), а о глиняных изделиях, не прошедших термическую обработку.

Ил. 1. Могила с глиняными поделками – вариант символических погребений

вещей в закрытых комплексах бронзового века – случай уникальный и требующий особого, пристального внимания. Речь в настоящей статье пойдет о целом ряде стандартизированных монофункциональных необожженных глиняных поделок, которые были найдены в могилах Б-VI.

Изучение памятника производилось на протяжении 14 полевых сезонов с 1990 по 2008 гг. силами археологов и студентов Самаркандского государственного университета в рамках проходившей полевой археологической практики под неизменным руководством основного исследователя – проф. Н. А. Аванесовой.

Бустон VI³ – это полиритуальный памятник, где не только хоронили умерших соплеменников, но и совершали различные действия ритуального характера. Это утверждение иллюстрируют 211 захоронений, в которых выявлены различные способы обращения с телом усопшего, в том числе не свойственное для сапаллинской культуры трупосожжение, а также свидетельства ритуалов,

относящихся к погребальной практике степных культурных традиций Евразии.

Уникальность комплекса заключается в том, что он предназначен также и для различных священнодействий, связанных с религиозными представлениями. Более половины (58,3 %) всех изученных объектов на некрополе имеют именно ритуализированный характер. Это различные поминальники, алтарные ямы, кенотафы и фиктивные могилы, захоронения животных, а также поделки, в том числе антропоморфные статуэтки. Такие изделия были монофункциональны (так как были изготовлены из необожженной глины) и предназначались для однократного ритуального акта, происходившего в момент их захоронения. В могиле они всегда были четко локализованы и компактно занимали определенное место.

В результате многолетних исследований Н. А. Аванесовой выявлено около четырех десятков могил⁴, в которых зафиксирован стан-

³ Хронологические рамки функционирования рассматриваемого комплекса определяется заключительной стадией сапаллинской культуры (XIII – нач. X вв. до н. э.).

⁴ Учитываются закрытые комплексы, в которых монофункциональные глиняные изделия выступали как в качестве основного инвентаря, так и совместно с погребениями целых туш животных или человеческих останков.

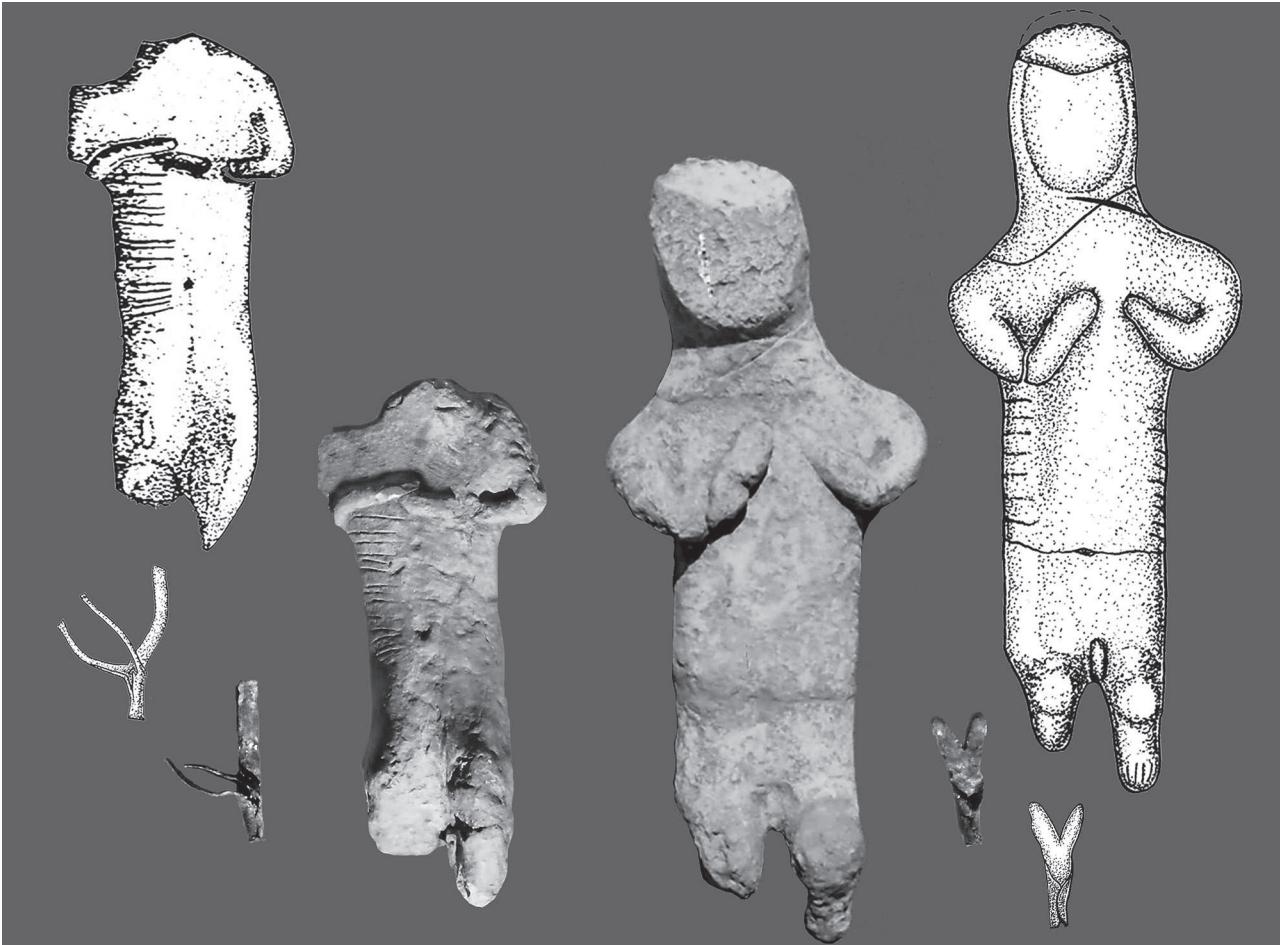
Ил. 2. Варианты антропоморфной статуэтки

дартизированный набор однотипных глиняных изделий (ил. 1). Это одна (значительно реже две) антропоморфная статуэтка, вотивный алтарь округлой формы, три фишки-жетона конусовидной формы, ложка-черпак и миниатюрный сосуд горшковидной формы, в котором иногда фиксировали небольшую окатанную гальку. Совершенно очевидно, что перед нами предстал абсолютно новый, неизвестный ранее обряд ритуальной практики земледельцев Северной Бактрии, появившийся во второй половине II тыс. до н. э.

Могильник сложился и функционировал в период активного проникновения в местную среду степных племен Евразии, что послужило сильнейшим импульсом к трансформированию облика культуры. Об этом говорят новый обряд погребальной практики в виде трупосожжения, ритуалы, связанные с огнем и его символикой, материальная культура, неоднородность антропологического состава и пр. (Аванесова, Тошпулатова 1999; Аванесова и др. 2010: 118-136; Аванесова 2013а; 2013б; 2014; Аванесова, Каспаров 2015: 27-54). Можно предположить, что и обряды с использованием рассматриваемых изделий могли появиться под влиянием степного этноса. Одна-

ко генезис обсуждаемого погребально-культового инвентаря нам неизвестен. При этом необходимо отметить, что еще у ранних земледельцев джейтунской неолитической культуры известны аналогии близких, но обожженных поделок: антропоморфные и зооморфные статуэтки и «фишки-жетоны» (Массон 1971: 43-44, Табл. XL, XLI). Если допустить, что генезис СК связан с древнеземледельческими оазисами Туркменистана, нельзя исключить формирование данного обряда у оседлых племен.

Изучив ведическую литературу, Н. А. Аванесова трактует глиняные поделки рассматриваемого могильника как вещественное письмо. В своей статье «Предметное письмо доурбанистической Бактрии» (Аванесова 2004) автор приходит к выводу, что данный обряд использовался как ритуальное письмо, опираясь, в том числе, на аналогию предметного письма, приведенного Геродотом в сюжете ответа скифов персидскому правителю Дарию: «...скифские цари... отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел... персы собрали совет... Он /Гобрий/ объяснял смысл даров так: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо или

Ил. 3. Антропоморфные божества «водной стихии»

как мыши не зароется в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами». (Геродот IV: 131-132).

Действительно, рассматриваемые в настоящей работе глиняные поделки имеют весьма четкие параллели с ведическими персонажами и церемониально-символической атрибутикой. Так, например, наиболее ярко нам представляется интерпретация антропоморфных статуэток, размеры которых варьируются в пределах от 14 до 25 см. Фигуры человека различаются морфологически и стилистически и основаны на типизации образа. Положение рук различно, но большей частью представлено в особой ритуальной позиции: они согнуты перед грудью или подтянуты в локтях и сведены в молитвенной позе (ил. 2: 2-3). В некоторых случаях конечности лишь слегка обозначены (ил. 2: 1), что дополнительно свидетельствует о ритуальном символизме самого наличия статуэтки, но не его деталей. Половая принадлежность подчеркнута всего в двух случаях.

Изначально автором раскопок было сделано предположение, что данные антропоморфные статуэтки являются своеобразным «заменителем» тела покойного, которого по тем или иным причинам соплеменники не смогли захоронить в своем могильнике (например, человек умер на чужбине или пропал без вести). Однако с накоплением фактического материала, а главное благодаря возможности верификации их с данными Вед, кардинально изменилось понимание их предназначения. Так, например, на некоторых антропоморфных статуэтках были зафиксированы горизонтально прочерченные параллельные линии, создающие впечатление волнистой поверхности (ил. 3). Общеизвестно, что волнообразными линиями во многих культурах изображали символы воды и водной стихии.

Поскольку в совокупности с такими статуэтками, как правило, обнаруживали также вотивные металлические жезлы (символ власти), можно предположить, что перед нами представлены мифологические персонажи индоариев типа Ва-

Ил. 4. Разнополые «близнецы»

руны (бог дождя), Индры (повелитель грома и хранитель вод), Сарасвати (плодоносная сила реки), Маруты или Рудра (боги бури, грозового дождя, молнии, убивающие людей и скот), имеющих отношение к воде (РВ V 29-2,41-11,12, 85-3 и др.). Видимо, «дубиной грома Тришандхи» (АВ XI, 11) следует интерпретировать обнаруженные в некоторых погребениях с антропоморфной статуэткой вотивные металлические двух- или трехпалые жезлы. Количество окончаний на жезле, видимо, имело принципиальное значение. Вероятно, жезл, который имел три ответвления, персонифицировался с «трехчленной дубиной Индры» (АВ 1989: 38) и служил «смертельным оружием» в борьбе с асурами (низшие божества, находящиеся в оппозиции к богам – Сурам) (АВ XI, 10).

Как упоминалось выше, известны случаи, когда в погребении находились парные фигурки. Так, например, в одном из погребений в стандартном наборе глиняных изделий были обнаружены две статуэтки, выполненные в едином стиле, но опре-

деленно разного пола (ил. 4). В связи с этим интересен факт, что в Ригведе есть упоминание о разнополых близнецах – Яма и его сестры Ями (РВ X, 10). Ям (дословно означает «близнец») – царь умерших, первый смертный, который, умерев, положил начало смерти. В ведических представлениях именно от инцеста (а во времена Ригведы это уже осуждалось с позиций морали и называлось «не подобающей родине» (РВ X, 10-9)) этих близнецов и произошел род человеческий. Видимо, отождествление этих божеств с плодородием и деторождением обусловило создание этих фигурок.

Относительное разнообразие обнаруженных антропоморфных статуэток дает возможность развивать интерпретацию и выдвигать различные параллели ведическим богам и антропоморфным статуэткам. Мы лишь проиллюстрировали некоторые варианты.

Не только антропоморфные изображения находят свои аналогии с Ведами. Четкую верификацию с данными древнеиндийской литературы

Ил. 5. Вотивные глиняные алтари и фишки-жетоны

показывают также иные вотивные изделия из отмеченного стандартизированного набора глиняных поделок. Одними из наиболее часто фиксируемых изделий являются округлые вотивные алтари, которые в некоторых случаях сохранили остатки ритуального возжигания в виде древесных угольков. Они⁵, вероятно, символизируют солнечный диск, бесконечную смену дня и ночи. В ведической литературе в разных вариантах Митра отождествляется со светлым временем суток, а Варуна – с темным: «Сурья принимает этот цвет Митры (и) Варуны, // Чтобы быть видимым в лоне неба. // Бесконечно светла одна его сторона, // Другую, черную, собирают (его) кобылицы» (РВ I, 115-5).

Придерживаясь такой трактовки древних текстов, мы можем говорить об обращении сапаллинцев к величайшим божествам ведического пантеона, отождествляемых с солнечным диском и верифицируемых нами с вотивными алтарями. Кроме того, олицетворение Митра-день — Варуна-ночь укладывается в дуалистическую концепцию первой мировой религии (зороастризм), ко-

торая позже стала господствующей на огромной территории от Индии до Ирана и Азербайджана. Здесь необходимо отметить, что кажущуюся на первый взгляд дуальной оппозицию день-ночь (свет-тьма, добро-зло), можно трактовать и как единство бытия, постоянную сменяемость дневного и ночного времени суток, где Митра и Варуна правят совместно (*Дюмезиль* 1986: 51). Более того, в Ригведе различия между богами отмечаются крайне редко в виде размытых формулировок и намеков. В более поздней Атхарваведе разделение значительно более ясное, и божества часто определяются в сопоставлении друг с другом. Последнее дает возможность высказать предположение, что в период первоначального сложения рассматриваемых верований, которые распространились в Северной Индии с приходом кочевников Евразии, Митра и Варуна персонифицировались как единое божество.

Зачастую миниатюрные вотивные алтари шли в комплексе с конусовидными фишками-жетонами (ил. 5). Их семантика связана, в первую очередь, с символикой числа 3. В ведической литературе эта цифра проходит красной линией как в социальной составляющей (три основные варны), так и по всем религиозным текстам и канонам (одна из основных – трехфункциональность индоиранских богов и космогоническое представление о трех вертикальных мирах). Вселенная состоит из трех частей: мир богов (небо), мир людей (атмосфера) и мир умерших (подземный). Возможно, что глиняные фишки реализуют идею триединства космоса (*Дюмезиль* 1986: 12) (РВ X, 125). Трехчастность мира связана с Агни (бог огня,

⁵ В погребениях некрополя Бустон VI были обнаружены модели колес, на некоторых из них были изображены «спицы» (*Аванесова* 2013а). С определенной долей условности можно предположить, что указанные находки также могут символизировать солнечный диск, а «спицы» на колесах – солнечные лучи. Другим вариантом верификации алтарей могут послужить кольцо, диск и т. п., которые также связаны с понятием солнца и являются широко известными и общепризнанными (*Аванесова* 2004: 22).

Ил. 6. Монофункциональные глиняные сосуды и вотивные ложки-черпаки

посредник между людьми и богами). Он троичен по отношению к трем уровням Вселенной; он же представлен тремя жертвенными огнями (РВ X, 90. 15), которые также имеют место в структуре некрополя на сакральных площадках (Аванесова 2013: 511-524). Таким образом наличие трех фишек в наборе глиняных поделок семантически отражает символизм главенства культовой религиозной составляющей в социально-общественной жизни сапаллинского общества.

Говоря же об их назначении, вернемся к аналогии с конусовидными «фишками» в Джейтунском поселении. Выскажем предположение, что подобные изделия, пройдя сквозь эпохи вместе с расселением первых земледельцев, распространились на Восток через Маргиану и, дойдя до Северной Бактрии, трансформировались от узкоутилитарного назначения до своеобразного ретранслятора религиозно-мифических представлений. В. М. Массон в поиске аналогичных явлений обращает внимание на наличие «фишек» в Тепе-Сиалк (Центральный Иран), раннетрипольском поселении Лука-Врублевецкая и др. Он приходит к заключению, что они могли служить в качестве игральные фишки и могли происходить из единого набора (Массон 1971: 42).

Символизм некоторых глиняных поделок передает также желание сапаллинцев подношения ритуальной трапезы. Обрядовое угощение предков и богов подразумевало изготовление монофункциональных сосудов и ложек-черпаков (ил. 6). Посуда представлена различными формами, но большая их часть была в форме котла. В некоторых сосудах находилась галька (ил. 5), ин-

терпретируемая нами как давящий камень (РВ IX, 67-19), а это позволяет считать, что сосуды предназначались для священного напитка сомы (хаомы). О значимости этого священного напитка как главного подношения к богам говорит хотя бы тот факт, что вся IX Мандала обращена «К Соме» и начинается строками: «Самым сладким, самым опьяняющим // Потокочем очищайся, о сома, // Выжатый Индре для питья!» (РВ IX, 1)

Практически все сосуды были сопровождаемы ложками, которые очевидно предназначались для черпания и питья находящегося в емкости ритуального подношения. В Ригведе (РВ X, 118-2) и Атхарваведе (АВ XVIII, 4-5, 6) ложка фигурирует как жертвенная утварь. При этом очевидна их вариативность, что согласуется с представлением о делении мира на три части (небо, атмосфера и земля) и объясняется в Атхарваведе: «Ложка для масла поддерживает небо, разливательная ложка – воздух, а жертвенный ковш удерживает твердь земную» (АВ XVIII, 4-5).

Вопрос о времени составления ведической литературы весьма дискуссионный. Но если придерживаться мнения, что она и Ригведа, как её наиболее древняя составляющая, являются ровесниками обсуждаемых поделок, то напрашивается очевидный вывод, что религия древних Вед и религиозные воззрения населения Северной Бактрии могут верифицироваться с фактически материалами некрополя Б-VI.

Таким образом, суммируя представленные в работе данные о монофункциональных глиняных поделках, мы можем говорить если не о преемственности наших материалов с установлением и

распространением религиозных воззрений древних индоариев, то по крайней мере о возможном влиянии одного и того же культурного элемента. Весь комплекс глиняных поделок Б-VI знаменуют собой обращение сапаллинского социума к мифологизированным божествам ведийского пантеона и космологии или, как говорит Н. А. Аванесова, вещественный текст. Они составляют

единую целостную картину миропонимания и с помощью них четко очерчивается единая мифологическая структура, дающая представление о верованиях трехтысячелетней давности. Глиняные поделки призваны «разъяснить» языком символов мифологические и мировоззренческие представления населения доурбанистической Северной Бактрии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АВ — *Атхарваведа*. Избранное. Пер., комм. и вступит. статья Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989.
- РВ — *Ригведа* [в 3-х т.] Изд. подготовила Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989.
- Аванесова 1989 — Аванесова Н. А. Эпоха бронзы Средней Азии. Учебное пособие. Часть I, СамГУ. Самарканд: СамГУ, 1989.
- Аванесова 2004 — Аванесова Н. А. Предметное письмо доисторической Бактрии // *Transoxiana: История и культура*. Ташкент: Изд-во Р. Элинина, 2004. С. 16-24.
- Аванесова 2013а — Аванесова Н. А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: МИЦАИ, 2013.
- Аванесова 2013б — Аванесова Н. А. Погребальный обряд некрополя Бустон VI как отражение межкультурных взаимодействий // *Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового Пути*. Париж-Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 27-34.
- Аванесова 2014 — Аванесова Н. А. Ритуальная ингумация некрополя Бустон VI // *Зарафшон водийси археологияси масалалари*. Самарканд: СамГУ, 2014. С. 92-104.
- Аванесова, Тошпулатова 1999 — Аванесова Н. А., Тошпулатова Н. А. Символика огня в погребальной практике Сапаллинской культуры (по материалам некрополя Бустон VI) // *ИМКУ*. Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 27-36.
- Аванесова и др. 2010 — Аванесова Н. А., Дубова Н. А., Куфтерин В. В. Палеоантропология некрополя Сапаллинской культуры Бустон VI // *Археология, этнография и антропология Евразии – Новосибирск 1* (Н1). 2010. С. 118-136.
- Аванесова, Каспаров 2015 — Аванесова Н. А., Каспаров А. Р. Практика вторичного захоронения некрополя Бустон VII // *Вестник МИЦАИ*. Вып. 21. Самарканд, 2015. С. 27-55.
- Аскарлов 1973 — Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973.
- Аскарлов 1977 — Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
- Аскарлов, Абдуллаев 1983 — Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983.
- Геродот 1972 — Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Под ред. С. Л. Утченко. Л.: Наука, 1972.
- Дюмезиль 1986 — Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986.
- Массон 1971 — Массон В. М. Поселение Джейтун. Л.: Наука, 1971.
- Попов 2015 — Попов А. А. Место Греко-Бактрии в истории и культуре древности // *Вестник СПбГУКИ* № 4 (25). СПб., 2015. С. 49-54.